

Елена Маленко

Вербальная презентация локуса бытия восточных славян в народных песнях

Studia Rossica Posnaniensia 32, 149-160

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛОКУСА БЫТИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

VERBAL PRESENTATION OF EASTERN SLAVONIC PEOPLE'S LOCUS LIVING BEING VALUES IN FOLK SONGS

ЕЛЕНА МАЛЕНКО

ABSTRACT. The paper presents the original version of the linguopoetical analysis of the linguistic world picture of the Eastern Slavic people folk meta-language. Special attention is given to the research of the language presentation of the living being values in the folk songs of the Ukrainian and Russian folk discourses. The values like “beauty” and “order” are of the prior character. Verbal means of the mentioned values are the linguistic subject of the paper.

Елена Маленко, Харьковский национальный педагогический университет, Харьков – Украина.

Языковая практика человека презентует его номинативный, коммуникативный и художественный опыт, последний является продуктом образного представления человека о мире, его образной интерпретацией. В центр художественного мировосприятия попадают сферы бытия (личностного и социального), окружающего пространства, чувственно-эмоционального локуса. Максимально определяющим в мотивационном смысле выступает контекст бытия, который формирует и проектирует дальнейшую жизненную практику человека, очерчивает круг его ценностных приоритетов, обуславливает эмоционально-оценочный рецептивный фон, то есть наиболее адекватно мотивирует гармоничное, полноценное, осмысленное существование личности. Такая многоаспектная миссия бытия стала детерминирующим фактором его широкого продуцирования в сферу духовности и искусства. Бытие становится объектом художественного отображения и анализа, материализуясь в тексте, воплощаясь в слове, то есть вербально презентуя концептуальную картину мира демиурга.

Категория бытия актуализирует в своем содержательном аспекте объективную реальность, которая существует независимо от нашего сознания и вне его, то есть апеллирует к действительности, к способу существования человека во времени и пространстве. Исторический опыт этого существования выработал обусловленные потребностями человека ценности бытия, которые совершают переход от инфантильных состояний жизнепробытия человека к экзистенциальным, сущностным, наивысшим. Среди таких ценностей – ис-

тина, красота, добро, целостность, порядок, жизненность (процесс, движение), совершенство, справедливость и пр.¹ Под ценностью понимаем „всякий предмет определенной заинтересованности, желания, стремления”². В пределах человеческого сообщества ценности бытия приобретают универсальный характер, максимально актуализируясь в культурном пространстве, непосредственно в искусстве как проявлении духовных и художественно-эстетических потенций человечества. Внутренняя универсализация человеческой культуры происходит благодаря архетипической природе духовного и творческого начал. Архетипы (от гр. *archetipos* – первообраз) совершают связь образов, которые переходят из поколения в поколение, тем самым структурируют осознание и осмысление мира, способствуют внутреннему единству человеческой культуры, делают возможным взаимосвязь разных эпох развития цивилизации и взаимопонимания людей³.

Актуализация ценностей бытия в формате искусства нацелена на достижение совершенства, красоты, гармонии, познания истины, утверждения справедливости, то есть на осуществление тех приоритетов, которые формировались на протяжении всего исторического и духовного развития человечества, поэтому признаны народом достойными жизни. Одним из мощных трансляторов ценностей бытия является слово как категория языка и мышления, без которых, собственно, невозможна сама природа человека в реализации всех его биологических и социальных потенциалов. Исследуя социально-природный феномен языка, Гумбольдт вывел универсальную формулу: „Язык есть дух народа”, понимая под „духом” объединенную духовную энергию этноса, „чудесным образом запечатленную в определенных звуках”⁴. Язык, отмечал мыслитель, всегда воплощает своеобразие целой нации, поэтому в нем мы повсеместно „находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации”⁵. Именно концентрация в языке энергетики мировоззренческого, концептуального потенциала отдельной нации обуславливает отличия не между разным названием одной вещи в разных языках, а между разным ее видением носителями разных языков. Этим, возможно, объясняются и различия в толкованиях каждым народом одного и того же образа-символа, наполнение одной оболочки различным содержанием, с разным проявлением аксиологического ценза, эмотивно-экспрессивной характеристики.

Способность нации актуализировать ментальные духовные (бытийные) ценности, находя в них оптимальную мотивацию своего существования, коти-

¹ Д.А. Леонтьев, *Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу*. В: *Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия*, Минск–Москва 2000, с. 149.

² А.А. Ивин, *Основания логики оценок*, Москва 1970, с. 7.

³ *Психология. Словарь*, Москва 1990, с. 26.

⁴ В. Гумбольдт, *Язык и философия культуры*, Москва 1985, с. 349.

⁵ Там же, с. 373.

руется в лингвохудожественной деятельности, особенно в тех ее формах, которые представляют коллективный опыт времен формирования нации, не обремененный еще цивилизационными универсалиями, то есть наиболее архетипичный. Как известно, таким коллективным художественным опытом является фольклор, который возник как предтеча искусства, поэтому максимально приближен к обычаям народа, его быту, традициям. Ценности бытия, реально переживаемые и проживаемые этносом, оправданные временем и пространством, вербально кодировались в фольклорных текстах как способ психоментальной и духовной самоидентификации народа.

Анализируя фольклорные тексты многих народов, сопоставляя их концептуально-языковое пространство, ученые отслеживают этноментальную специфику создания национально-эстетических комплексов с оригинальными ассоциативно-интерпретационными моделями одних и тех же объектов, что обусловлено снова-таки своеобразием (мировоззренческим, ментальным, психическим) человеческого восприятия языкового знака. Отдельные признаки объекта могут вызывать у представителей различных национальных и общественно-социальных групп разные ассоциации, которые и мотивируют многоплановость интерпретации слова⁶.

Особенности этноментальных интерпретаций древних архетипичных схем, материализованных словом, наиболее выразительно представлены лексико-семантическим пространством фольклорного произведения, жанры которого определяются спецификой формальной организации национального народно-художественного дискурса. Таким образом, национальный фольклорный текст является уникальным способом познания и осмысления многих уровней обживания предками окружающего мира, а именно – деятельностного, онтологического, духовного, религиозного, трансцендентного, психоэмоционального, аксиологического, ассоциативного, эстетического, художественного, т. е. всего сложного комплекса синхронной времени концептуализации действительности, зафиксированной текстом как вербальным кодом.

Жанрово-тематическая векторность восточнославянского фольклора, частью которого являются русская и украинская устные народные практики, разноплановая по своему текстовому измерению: эпос (былины и думы), песни (календарно-обрядовый цикл, лирика, социальная тематика), сказки, загадки, пословицы, народная фразеология и пр. Эти фольклорные презентанты словесного творчества двух родственных народов в своих истоках связаны с общими, древними корнями происхождения и дальнейшего эволюционного разветвления славян Киевской Руси, поэтому характеризуются не только жанровой, формально-содержательной и текстуальной общностью, но и ментальной, наиболее полно представленной в актуализации ценностей бытия древних славян – творцов фольклорного дискурса. Локус бытия в его этноментальном выражении и у русских, и у украинцев иллюстративно воплотился

⁶ З.С. Азнарова, *Очерки по стилистике слова*, Ташкент 1973, с. 299.

в текстах народных песен, которые со временем стали фундаментом национальной поэзии двух народов, сформировав не только образный логотип дальнейших поэтических практик, но и актуализируя приоритетные для славян ценности, заложенные и выстраданные в песнях: „Поэзия народа – это зеркало, в котором отражается его жизнь со всеми характерными оттенками и родовыми признаками. Поскольку ж поэзия есть не что иное, как мышление образами, то поэзия народа есть еще и его сознанием”, – так в свое время прокомментировал В. Белинский синкретичную связь бытия народа, его сознания с песней⁷.

Украинский языковед-полиглот А. Крымский, исследуя философию и поэтику народной песни, отмечал, что в песенных образах сконцентрированы историческое самопознание, моральные и этические ценности, идеалы всего народа и отражение личностной, индивидуальной психологии отдельного человека⁸. В этом случае мы имеем определенный феномен исследовательской разновекторности народно-песенного текста, проявляющийся в дуализме коллективного и индивидуального, что и составляет генетику народной песни. С одной стороны, как продукт коллективного лингвохудожественного творчества этот текст является источником и дальнейшим презентантом традиционной народной поэтики, образующей со временем базис индивидуально-авторской поэтики в художественно-литературном дискурсе. По мнению исследователей, фольклорные образцы функционируют в произведениях писателей „в виде различного типа творческих переделок, реминисценций, новообразований, которые, сохраняя фольклорный элемент, получают индивидуально обогащенную семантику, образуя категорию народнопесенности в системе литературного языка”⁹. Итак, художественно-языковое наследие народа, созданное в прошлом, влияет на индивида, формируя его собственные эстетические и языковые уровни, активизируя традиционное и провоцируя оригинальное, личное вербально-образное мироощущение. Вектор исследования „от коллективного – к индивидуальному, от общего – к частному” (плоскость лингвистической аналитики). С другой стороны, коллективная художественно-языковая практика народа, транслируемая песней, опирается на деятельность отдельных индивидов-творцов с собственным комплексом психоэмоциональных, мировоззренческих, ассоциативно-образных характеристик и личным реестром ценностей бытия. Попытка реконструкции архаичных этноментальных и этнопсихологических признаков нации посредством обобщения этих индивидуальных особенностей творцов фольклорного наследия, так или иначе запечатленных в тексте, обуславливает моделирование це-

⁷ В. Г. Б е л и н с к и й, *Полное собрание сочинений*, т. 2, Санкт-Петербург 1878, с. 448.

⁸ А. К р и м с ь к и й, *Твори у 5 тт.*, т. 5, Київ 1973, с. 361.

⁹ Л. К о з л о в с ь к а, *Лінгвістична категорія народнопісенності в стилістичній системі української літературної мови*. В: *Слово. Стиль. Норма. Зб. наук. праць*, Київ 2002, с. 35.

лостной картины психолингвального дискурса нации. Вектор исследования „от индивидуального – к коллективному, от частного – к общему” (плоскость психолингвистической, этнопсихологической аналитики).

Основным сюжетобразующим мотивом в народной песне выступает проблемная жизненная ситуация с обязательным переживанием, которое продуцирует другие уровни текста: ценностный, эмоциональный, оценочный, образно-символический. В этих переживаниях, согласно теории самоактуализации личности А. Маслоу, открывается реальность бытия и его приоритеты, которые в каждом этноментальном локусе имеют свою иерархию (феномен переживания Маслоу рассматривает как генетическую, психоментальную способность человека [группы] пребывать в состоянии длительного эмоционально-чувственного, эстетического воодушевления, подъема, которые и формируют ориентиры бытия объекта)¹⁰. Наиболее акцентированы в текстах русских и украинских народных песен такие ценности бытия: красота, жизненность (движение, процесс), порядок, справедливость. Выход на эти приоритеты, которые очерчивают концептуальный формат народного мировоззрения, открывается посредством языка – специфического символично-знакового кода, шлифующего соответствующую информацию при помощи слова. Вербальный (лексический, фонетический, грамматический, синтаксический, стилистический) фонд песен служит способом художественной категоризации действительности, которая актуализирует интеллектуально-эстетическую деятельность не только творцов текста, но и их реципиентов – тех, кто проводит презентованную художественно-языковую модель через собственные уровни сознания, закрепляет ее в плоскостях коллективного восприятия, принимает участие в ее формально-содержательных интерпретациях (создание иных текстовых версий в формате первичной модели). Таким образом, фольклорный текст транслирует концептуально-языковую картину мира коллективного творца, который в одночасье есть демиург и реципиент, отражающий в языке свои ценности бытия.

Осваивая мир в его локальном пространстве, реально переживая и проживая ценности бытия, наши предки создавали первичную систему собственных знаний об объектах, предметах и явлениях, которые составляли часть природы, окружающей действительности. Знания людей про эту действительность закладывали фундамент концептуальной картины мира (ККМ) этноса, которая характеризуется наибольшей универсальностью (среди других картин – физической, философской, религиозной, художественной и пр.), поскольку комплексно отражает знания о мире и является общей для народов с одинаковым уровнем этих знаний¹¹. Собственно, концептуальная картина мира продуцирует познание и интерпретацию мира, а значит, она динамична, мобильна, способна распространяться и углубляться в связи с бесконечностью позна-

¹⁰ Д.А. Леонтьев, указ. соч., с. 154.

¹¹ Л. Лисиченко, *Мовна картина світу та її рівні*. В: *Зб. Харк. іст.-філол. тов-ва*, т. 8, Харків 1998, с. 129.

ния мира человеком. Информативной структурой, отражающей знания и опыт человека, содержательной единицей памяти, ментальности, всей картины мира является, как справедливо считает Е. Кубрякова, концепт¹². Концепт концентрирует в своем содержании все, что человек (или этнос) знает об объекте¹³. Понимание концепта опирается на совокупность вовлеченных в эту информационно-содержательную структуру понятий, представлений, образов¹⁴. Образ при этом возникает как творческая модель эстетически воспринятого мира в его понятиях и представлениях (жизненными основаниями для создания образа служат эстетические качества окружающей действительности), как способ художественного отражения мира¹⁵. Образ в плоскости словесного искусства материализуется при помощи языка, который, по Лосеву, есть „предметное обстояние бытия, и обстояние – смысловое, точнее – выразительное, и еще точнее – символическое. А всякий символ – есть языковое явление“¹⁶. Как известно, фольклорная символика является источником возникновения и дальнейшей смысловой эволюции художественного образа, который в своей семантической структуре фокусирует и традиционное народное толкование знака-символа, и его оригинальное (авторское) смысловое наполнение. Таким образом, логика трансформаций реалий бытия в словесно-образный код может иметь такой условный вариант: бытие, его ценности как реалии – концепт как сумма знаний о действительности – представление, понятие как составляющая концепта – образ как художественно-словесное (эстетическое) кодирование представлений о бытии.

Среди ценностей бытия в диахроничной плоскости ментального мировосприятия многих народов особенно актуализирована красота, прекрасное, эстетическое. Аксиологическая ценность прекрасного мотивировалась у древних людей целостностью представлений о мире, который сам (по своей природе) был воплощением идеи совершенства, всеобщей гармонией: то, „что само по себе не было бы прекрасным, становится таковым благодаря гармонии целого“¹⁷. По причине такого целостного восприятия предками мира его эстетическое понимание еще не выделилось в отдельную сферу и не полностью отмежевалось от практического, поэтому всякое отношение древних людей к миру было эстетичным: „Прекрасное существует вечно, как мир, оно не исчезает, не увеличивается, не уменьшается“¹⁸. Красота как ценность бытия реализовалась на уровне концепта комплексом понятий и представлений о прекрасном, которое непосредственно окружало людей: природа в ее гармонии

¹² Е. С. Кубрякова и др., *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90.

¹³ В. Н. Телия, *Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996, с. 97.

¹⁴ *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва 1988, с. 143.

¹⁵ Ю. Б. Борев, *Эстетика в 2-х тт.*, Смоленск 1997, с. 81.

¹⁶ А. Ф. Лосев, *Философия имени*, Москва 1990, с. 98.

¹⁷ В. Й. Шеллинг, *Сочинения в 2-х тт.*, т. 2, Москва 1989, с. 67.

¹⁸ Платон, *Сочинения в 3-х тт.*, Москва 1971, с. 66.

и совершенстве, богатстве форм, цветовых оттенков, звуков, запахов; человек в его эстетической презентации: красота и гармония тела, черты лица, одежда, этика, духовность. Все, что представлялось творцам фольклорных текстов эстетически значимым, что провоцировало чувственные рефлексии, что представляло концептуальную ценность в эстетическом осмыслении бытия, кодировалось системой поэтических символов и образов, семантическую основу которых составляли как денотативные, так и эмотивно-оценочные компоненты. Это мотивировало общий рецептивный фон – позитивный – слова-образа и текста в целом. Каждый народ при этом вырабатывал собственную систему эстетических эталонов и соответствующую модель их вербально-образной интерпретации.

В русском народно-песенном дискурсе красота как ценность бытия очевидна и прозрачна в прочтении, осмыслении и образном воплощении. Практически весь метатекст (имеем в виду текстовую совокупность) песен апеллирует к внешней красоте лирических героев, отрабатывая при этом эталонную модель визуальных приоритетов русской девушки и русского юноши: девушка – „личиком беленька, бровками черненька”; „красна”; „млада”; „словно павушка плывет”; юноша – „пригожий, белый, кудреватый”; „ясны оченьки”; „кудри шелковы по плечикам бегут”. Комплекс традиционных песенных эпитетов также акцентирует внешне-внутреннюю привлекательность героев: „молодец прекрасный”, „дружочек миленький”, „молодчик удаленький”, „добрый молодец”, „друг сердечный”, „друг любезный” (в песнях доминирующими в количественном отношении являются позитивные эмотивно-оценочные дефиниции юношей, поскольку любовная лирика в основном исполнялась – а значит, и творилась – женщинами. Как правило, женский фольклорный любовно-поэтический дискурс традиционно наделяет лирического героя-мужчину позитивными качествами, а соответственно, и речевыми характеристиками, независимо от реальной ситуации и реальных качеств оппонента). Очень часто девушка в текстах номинируется „царевной”, „боярышней”, „княгиней”, а юноша – „царевичем”, „боярином”, „князем”. Такое образное перевоплощение героев из обычных людей в высокие социальные статусы семантически основывается на определительном внешнем признаке богатых людей, носящих красивую, дорогую одежду. Как видим, эстетичность внешнего вида человека издревле синтезировала природную красоту и привлекательность с красивой и дорогой одеждой, которая подчеркивала и акцентировала внешние генетические характеристики (при этом социальный аспект иного контекстного называния героев – определенная ситуативная травестия – в народных песнях не просматривается).

Создание образов, апеллирующих к внешней эстетичности, продуцировалось не только в сфере художественного воплощения лирических героев песни, весьма широко это явление презентовано в поэтическом видении природы, объектах растительного и животного мира, окружающего пространства: „белая березонька”, „чисто поле”, „ключевая водица”, „лазоревые цветы”, „шел-

ковая трава”, „серебряные удила”, „золотой венец”, „золотой перстень”, „улица мостовая” (широкая, столбовая), „утренняя заря”, „вороной конь” и пр.

Практически все фольклорные образные комплексы, содержащие в своей семантической структуре эстетически акцентированный коннотативный компонент, нашли продолжение в дальнейших русских литературно-поэтических практиках, что свидетельствует о внутренних потребностях творцов русского художественного дискурса в актуализации красоты, прекрасного как важного эстетического мотива словесно-образного творчества.

Для украинцев прекрасное издавна было приоритетом в понимании ценностей бытия, о чем свидетельствует формат всего культурного комплекса нации – от народных образцов до индивидуально-авторского творчества. В визуальной реализации прекрасного в украинском национальном искусстве слова приоритетными являются те образы, которые мотивированы природой: небесные светила, цветы, деревья, птицы, звери, эстетические природные явления (радуга). При этом эмотивно-оценочное наполнение семантической структуры лексем-презентантов явлений природы имеет однозначно позитивный характер, независимо от ситуаций контекста и общего эмоционального фона образного комплекса или образа-символа. Этот тезис может быть аргументирован мыслью Н. Лукьяновой о нераздельности эмоции и оценки: „оценочность и эмоциональность не создают двух разных компонентов значения, они едины, как нераздельной есть оценка и эмоция на внеязыковом уровне... Оценка как бы втягивает в себя соответствующую эмоцию, а параметры оценки и эмоции отождествляются”¹⁹. Языческое восприятие природы как целостного проявления духа творца и видения себя частью этого целого обусловливало осознание древними славянами, в частности украинцами, одухотворенности природы, то есть одухотворенности прекрасного в ней. Гегель источником такой одухотворенности считал абсолютную идею, воплощенную в конкретных реалиях. Эта абсолютная идея движет человеком в поисках истины, гармонии, красоты, добра²⁰, что, собственно, и мотивирует стремление человека эстетизировать мир и приблизиться к идеалу прекрасного в искусстве.

Одним из важных элементов внешней эстетизации окружающего пространства у украинцев являются цветы и цветущие растения, которые непосредственно символизировали красоту – не искусственную, а природную, то есть гармоничную, совершенную. Концепт „цветы” эксплицирован всеми уровнями художественно-эстетической деятельности человека – литературой, живописью, прикладным искусством. Содержание этого концепта у украинцев определяется национальным эстетическим опытом, народными (коллективными) и индивидуальными представлениями и ассоциациями. Текстовая

¹⁹ А. Лукьянова, *Экспрессивная лексика разговорного употребления*, Новосибирск 1998, с. 45.

²⁰ Гегель, *Сочинения в 14-ти тт.*, т. 12, Москва–Ленинград 1935, с. 119.

материализация концепта „цветы” происходит непосредственно в лексическом пространстве, а языковым презентантом концепта выступает лексико-семантическая группа „цветы”, представленная в формате народной песни такими лексемами: „барвінок, мак, лен, чорнобривець, калина-малина, рута, м'ята, рожа (мальва), волошка (василечок), фіалка, конвалія, вишня-черешня”. Эти лексемы номинативно презентуют те цветущие растения, которые наиболее часто встречались в украинском природном ландшафте, а также были окультурены предками. Рецептивное восприятие эстетичности цветов обусловлено их формальными показателями (целостность и пропорция формы, гармония, совершенство и оригинальность цветовых решений, разнообразие видов, аромат и пр.), которые действуют на человека непосредственно. Рецепция этих формальных элементов создает ощущение красоты, влияет на чувственную сферу наблюдающего, пробуждает его ассоциативно-образные потенции. Такая рецепция детерминирует процесс создания словесного образа цветов в контексте украинской песни. При этом созданный образ не идентифицируется с непосредственным предметом, „абстрагируясь от безграничного количества свойств вещи, образ фиксирует лишь ее наиболее стойкие и стабильные черты, превращаясь тем самым в некий идеальный объект, инвариант класса предметов, не существующий фактически в реальной действительности”²¹.

Определяющим признаком цветов является их цветение, которое и выделяет цветы из группы иных растений (трав, кустарников, деревьев). Именно этот параметр и обусловил идею общего, сквозного образа цветов в украинском фольклорном тексте. Творцы народной лирики фокусируют состояние цветения как основной ассоциативный мотиватор образного комплекса (параллелизма, сравнения, символа): „зацвіла калина – полюбила дівчина”; „зацвіли фіялойки – пішла б я до матінки”; „зацвів чорнобривчик – ти в батька одинчик”; „розцвітай, розвивайся, руто-мято”; „розцвітай-стелися, хрещатий, барвінку”, „розцвітає, поспіває на городі мак”, „на городі чорнобель біло зацвів”, „рута зійшла, цвітом зацвіла”.

Эстетизация окружающего мира является продуктом духовной деятельности эстетически актуализированного субъекта (индивида или общности, этноса), нацеленного на восприятие одухотворенности и гармонии эстетически нейтральной действительности. По мнению Шарля Лало, природа „находится по ту сторону прекрасного и безобразного”, она „внеэстетична”, как и „внеморальна” и „внелогична”. Красоту в природу вносит человек: „Природа имеет красоту лишь в том случае, если художественное восприятие наделило ее прекрасным”²². Такая антропологическая концепция прекрасного детерминирует уровень эстетической актуализации субъекта-творца, который, в зависимости от своих мировоззренческих, этнопсихоментальных и эстети-

²¹ *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*, под ред. Б. Сербренникова, Москва 1970, с. 84.

²² Ш. Л а л о, *Введение в эстетику*, Москва 1915, с. 100–101.

ческих потенций, продуцирует прекрасное в сфере собственного бытия и искусства. Лингвоконцептуальный анализ текстов русского и украинского народно-песенных дискурсов выходит на мощный потенциал эстетической актуализации его творцов, что адекватно отражено на вербальном уровне песен: практически вся плоскость лексического пространства текстов апеллирует к названиям реалий природы (эстетизированные, одухотворенные светила, небесные и атмосферные явления, деревья, цветы, звери, птицы); семантическая структура соответствующих лексем характеризуется наличием позитивных эмотивно-оценочных коннотаций, которые и зафиксировали положительную аксиологическую маркированность слов, формирующих традиционный образно-символический комплекс поэтической практики в каждой из названных национальных литератур.

Актуализация ценностей бытия в ментальном пространстве свидетельствует о генетической потребности этноса в реализации творческой миссии – как на уровне индивидуальном, так и коллективном (который, собственно, и концентрирует творческий потенциал индивидуумов с заданной программой бытия). Каждый народ имеет собственную шкалу ценностей бытия, некоторые из них приобрели статус транскультурных, общих в соответствующей парадигме. Такой универсальной аксиологической заданностью характеризуется категория порядка (упорядоченность как фактор системной организации), которая в различных этноментальных локусах имеет разный уровень интенсивности. У славян упорядоченность выступает важным фактором организации окружающего мира, практической деятельности, системы мировоззрения. Концептуальное понимание славянами важности упорядоченности воплотилось и в языке, который выработал свой спектр видения общих фрагментов внеязыковой действительности, что и реализовалось в специфической системе вербальных кодов, которые материализуют понимание смысла упорядоченности каждым конкретным этносом.

В лексикографическом описании слова „порядок” акцентируем такие значения: 1) правильное или привычное расположение, размещение чего-либо; 2) определенная последовательность, очередность чего-либо; 3) состояние, когда все делается, исполняется как следует, в соответствии с определенными правилами, требованиями. Общими смысловыми компонентами данных значений можно считать сигнификативные семы „правильное”, „последовательность”, которые несут нагрузку ядерных при конструировании смысловой модели понятия „порядок”. Сема „привычное” логически дополняет семантический объем понятия, акцентируя представленную в ситуации стабильность действий, состояний, явлений, предметов. Актуальными для нашего лингво-текстуального анализа понятий „порядок”, „упорядоченность” определяем семы „последовательность”, „закономерность”, „систематичность”, поскольку именно эти семы на уровне отдельных понятий наиболее полно коррелируют с жизнеорганизующими факторами, которые в свою очередь мотивируют пространство бытия в его ценностях и приоритетах.

Максимально насыщены действиями древние обрядовые песни, которые были неотделимы от хлеборобского культа и годичной хозяйственной деятельности, то есть имели функциональное назначение сопровождать соответствующие трудовые действия (согласно календарю). Процесс совершения календарно-трудового обряда в своей форме и своем содержании направлен на ритуальное исполнение строго упорядоченных действий, имитирующих реальные. Наиболее иллюстративно такой порядок ритуальных действий, сохраняющий последовательность, акцентирующий систематичность, представлен в песне-хороводе *Просо*, которая идентична в русском и украинском фольклоре, и презентует инсценизацию весеннего засева нивы (поля) просом с полным отражением землеробских действий (1 фрагмент) и игровым компонентом в форме контекстного параллелизма (2 фрагмент). Основную символично-смысловую функцию при этом исполняют глаголы, которые реализуют порядок конкретно-действенного протекания обрядовой ситуации. В русском варианте: „землю наняли”, „землю парили”, „просо сеяли”, „просо пололи”, „просо валили” – имитация действий; „просо вытравим”, „коней запустим”, „коней выловим”, „коней выкупим”, „дадим сто рублей”, „дадим тысячу”, „дадим вдовицу”, „дадим девицу” – игра, хоровод. В украинском варианте: „виїдем у поле”, „виорем нивку”, „насіємо просо” – имитация действий; „пустимо коні”, „займемо коні”, „викупим коні”, „не глянем на купчу”, „кладемо сто рублів”, „не глянемо на сто рублів”, „додамо бабусі”, „не хочемо бабусі”, „додамо дівочку”, „їдьте до нас” – игра, хоровод. Логика построения игровых действий в песне обусловлена логикой утверждения жизненного порядка на уровне закономерной и последовательной реализации его составляющих.

Основным вербальным презентантом упорядоченного, логичного, обычного регламента жизнеустройства мира и человека в текстуальном пространстве русских и украинских народных песен является система глаголов, обозначающих последовательно или сюжетно связанные действия, которые образуют контекстные лексико-семантические комплексы: „распашу я пашенку – посею я лен-конопель”, „выросла трава шелковая, расцвели цветы лазоревые”, „подойди, сударь к царевне, – поклонись..., – поцелуй...”, „красна девица воду черпала – ведры поставила – призадумалась – заплакала – слово молвила”, „молодец похаживает – в гуселички поигрывает – девице голос подает” (русские песни); „ніченьку не спала, хусточку вишивала; не виспалась, не нагулялась, з козаком не настоялась, батька забоялась”, „рутоньку посієм, рутоньку поподем, рутоньки нарвемо, віночки сплетемо, дівочок вберемо” (украинские песни). Такая активная загрузка вербального пространства песен глагольными лексемами, обозначающими движение, развитие, физический труд, конкретную деятельность, их динамичная ритмика свидетельствуют о функциональном назначении народных обрядовых и хороводных песен: пробудить бодрое, жизнерадостное настроение у людей, передать его окружающей природе, разбудить своими имитационными движениями и действиями ее силы, повлиять на нее в нужном направлении²³. Очевиден также и факт

важности для славян самой жизненной активности (жизненности как ценности бытия), которая реализовалась в мобильных действиях, напряженной ритмике повседневного регламента жизни наших предков. И в этой повседневности ценности бытия становились реалиями, мотивируя жизненный смысл, актуализируя творцов песен, их реципиентов и трансляторов на мощную духовную и творческую деятельность.

Ментальная способность этноса проживать и переживать ценности бытия, отражать эти ценности вербально в плоскости коллективного художественного опыта (имеем в виду русско-украинский фольклорный метатекст, его лексическую структуру, стилистические особенности) свидетельствует о большом потенциале самоактуализации творцов народной песни – этого национально-устнопозетического феномена, о способности нации-демиурга продуцировать ценности бытия прозрачно, откровенно, искренне и быть самодостаточными в декларации этих ценностей.

²³ О. Д е й, *Українська народна поезія календарно-обрядового циклу*. В: *Українські народні пісні. Календарно-обрядова лірика*, Київ 1963, с. 9.